

ПОПУТЧИЦА

Стоял декабрь 2000 года. В конце его предстояли выборы губернатора Воронежской области. Я уезжала с работы домой от научно-исследовательского института связи (ныне АО «Концерн «Созвездие»). Автобус маршрута номер 27, как всегда, был переполнен. Женщины, возвращавшиеся с сумками с Центрального рынка, торопились занять свободные места. Немолодая женщина подвинулась, и я присела рядом.

Предпраздничные дни - суматошные. Все торопятся, бегут, ищут подарки, нужные продукты для новогоднего стола. И я, уставшая и озабоченная своими мыслями, была погружена в себя. Соседка, показав рукой за окно, как бы пригласила меня к разговору:

— Смотрите, как красиво стали украшать город!

За окном в этот момент проплыли три дерева, украшенных сеткой из мелких сияющих электрических лампочек. Так частный магазин где-то в районе «Детского мира» первым украсил деревья, стоящие под окнами. Я, неожиданно вспомнив свою поездку во Францию в 1997 году, отозвалась:

— Да, совсем как в Париже, на Елисейских полях. Только там так украшены почти все деревья. Французы не жалеют электричества на иллюминацию. Все сияет!

Женщина сложила руки на груди и продолжала:

— В нашем детстве были свои новогодние украшения, скромные, самодельные, но не менее дорогие, чем эти. Я жила с родителями и сестрой на Кольцовской в двухэтажном доме.

Она показала рукой за окно. Мы как раз проезжали через перекресток улиц Плехановская и Кольцовская.

— Моя мама работала на семеноводческой станции. Детсадов тогда не было, и чтобы мама могла работать, для нас с сестренкой наняли няню. Она была из крестьян Курской губернии, с нами жила не как прислуга, а как член семьи. Няня топила печку, стирала, гладила, готовила кушать, пекла очень вкусные блинчики, пирожки, лепила пельмени, парила тыкву. К Новому году ставили елку. Украшали все вместе. В блестящую фольгу заворачивали мандаринки и конфетки и вешали на ниточках на ветки. Так они висели до Нового года. Потом разрешалось снимать помаленьку и кушать. Никаких елочных игрушек не было.

Женщина на мгновение замолчала. Видимо, воспоминания нахлынули, и она продолжила:

— Знаете, какие новогодние развлечения у нас были? По вечерам ходили гулять по улице. Ни штор, ни занавесок на окнах не было. Все, что происходило в домах, было видно, как на ладони. Мы становились невольными свидетелями жизни воронежцев предвоенных лет. Мы рассматривали елки, украшения на них. Какие красные звезды на верхушке, какие самодельные бумажные гирлянды и флажки висят.

Она помолчала. И, видя, что я слушаю с интересом, заговорила снова:

— Только продолжалось это недолго. Скоро началась война. Она лишила нас этого скромного новогоднего праздника, детства, дома, родителей, друзей.

Когда началась война, все мы думали, что вот-вот несколько дней, ну недель - и наши победят, победят «малой кровью и на территории врага». Об эвакуации никто не думал. Все предприятия работали. Жизнь шла в прежнем режиме. Только когда начались налеты на Воронеж, стали бояться воя сирен и гула самолетов. Бомбоубежища были в каждом дворе. Воздушная тревога звучала на всех улицах. Гражданская оборона для нас не была пустым звуком. Все сдавали нормы ГТО. Во время бомбежек мы прятались в подвале. Во дворе нашего дома упала, но не разорвалась огромная авиационная бомба. Она наполовину вошла в землю и торчала из земли, как страшное предостережение о близкой смерти. Она могла взорваться от любого неосторожного толчка или при очередной бомбежке. Жить в окрестных домах стало опасно. Людей расселили. Наш дом разбомбили. Нам пришлось покинуть его.

В сорок втором году началась эвакуация предприятий из Воронежа. Население продолжало жить в городе. Об эвакуации не было мыслей. Потом мамин селекционная станция уехала, и мама с ней. Бабушкин частный дом стоял на «Динамо». Перед отъездом мама собрала наиболее ценные вещи: ложки, вилки, кастрюли, лампы, другой скарб - и закопала в чемоданах и сундуке в огороде.

Когда немцы подошли к городу и стали обстреливать со стороны Семилук, мы тоже бросились покидать город. Через реку Воронеж мы перейти уже не смогли, поэтому приняли решение идти на запад, в Курскую область, в родное село нашей няни. Помните кинофильм режиссера Евгения Матвеева «Особо важное задание»? Переправа через Дон. Все точно показано! С большим трудом, попадая в разные гибельные ситуации, мы все же добрались до ее села. До прихода наших войск мы с сестрой жили в семье няни, как родные. Пережили холод, голод, ужасы оккупации и саму Курскую битву.

Я вот смотрю сейчас на город и радуюсь. Какой красивый! А каким мы увидели его, когда вернулись в 1943 году! Это были абсолютные развалины. По улицам пройти было невозможно - все было завалено кирпичом, штукатуркой. Крыш не было. От стен остались только остовы. Имущества не осталось никакого. Мебель пошла на дрова, которыми немцы топились - зима 1942 - 43 гг. была очень холодная. Книги тоже пожгли. Жили немцы только в подвалах, город бомбили и обстреливали наши, не давая врагу передышки и возможности укрепиться. Немцы стащили в подвалы подушки, перины, матрацы, одеяла - все, что давало тепло - на них спали, ими укрывались. Все, что можно было вывезти, увезли в Германию.

Вернувшись в город, мы откопали на «Динамо» свои сокровища, они остались невредимыми. Это было целое богатство! Мы считали, что нам повезло. У большинства воронежцев не осталось вообще ничего.

Горожане стали расчищать завалы, строить дома, восстанавливать предприятия. Работали и взрослые, и дети, и старики. Работали и в выходные дни, и после работы. Говорили, что на восстановление Воронежа пойдет пятьдесят лет или его вовсе восстановить нельзя. Видели Ротонду? Таким был весь город. А мы справились за пять лет. Знаете, как-то обидно, что Воронежу не присвоили звание Города-Героя! Ведь город не сдали врагу, двести двенадцать дней сражались за него. Подвиг Александра Матросова был трижды предвосхищен Вавиловым, Бовкуном, Абызовым в уличных боях за

Воронеж. Прикрыли направление на Сталинград. На Чижовке был плацдарм - наша воронежская «малая земля». Город был разрушен на 96 процентов! Наши «катюши», самолеты громили врага!

... Автобус тем временем подъехал к Памятнику Славы. Моей спутнице надо было выходить. Мы тепло распрощались. Когда она уже спускалась по ступенькам, я неожиданно спросила:

— На выборах голосовать-то за кого будете?

Она обернулась и, широко улыбнувшись, ответила:

— За партию!

Переспрашивать, за какую партию, не имело смысла.